

Леопольд
Захер-Мазох

СОЧИНЕНИЯ

Аннотация

Книга содержит ключевые творения Леопольда фон Захер-Мазоха, скандально известного австрийского литератора, одного из предтеч психоанализа — романы «Губительница души» и «Пинчев и Минчев».

Многие персонажи Захер-Мазоха проповедуют эстетику чувственного наслаждения, доставляемого мучениями. Писатель впервые в истории литературы подробно и со вкусом исследовал эту распространенную сексуальную патологию, получившую в мировой психиатрической практике название мазохизма.

Леопольд фон Захер-Мазох

Сочинения

Губительница душ

I. Предсказание

Громкий, пронзительный крик, словно рев раненого тигра, внезапно раздался в тишине чудного летнего вечера. Рысью бежавшие лошади остановились как вкопанные; кучер набожно перекрестился, а сидевший в коляске молодой офицер невольно вздрогнул и устремил взор по направлению к месту, откуда послышался крик.

— Что это такое? — спросил он.

— Должно быть, кто-нибудь зовет на помощь, — отвечал дородный, упитанный кучер.

— Если я не ошибаюсь, крик раздался со стороны реки.

В эту минуту до слуха путников долетел второй жалобный, душу раздирающий вопль, и что-то тяжелое упало в воду.

«Вероятно, кто-нибудь утонул!» — подумал молодой человек и, схватив револьвер, выскочил из коляски и побежал к берегу.

Солнце уже закатилось; под развесистыми ивами царил таинственный полумрак; тихо катились серые, свинцовые волны реки; но ни на берегу, ни вдали на поросшей густой травой «могиле героев» не было ни души. Офицер готов уже был вернуться назад, как вдруг на противоположном берегу мелькнул силуэт человека в белом.

— Кто там? — закричал юноша.

Ответа не было.

— Стой!

Призрак исчез, но в кустах послышался шорох.

— Остановитесь, если не хотите, чтобы я вас застрелил! — воскликнул молодой путешественник.

На опушке леса показались две быстро удаляющиеся тени. Один за другим раздалось два выстрела, затем все затихло, и сильно раздосадованный офицер вернулся назад и сел в коляску.

— Ну что, барин, кого вы там нашли? — спросил кучер.

— К сожалению, я опоздал, и мошенники успели убежать.

— Бог знает, были ли это мошенники! — заметил кучер. — Здесь творится что-то неладное!

— Что такое?

— Лучше об этом и не говорить, — отвечал верный слуга, боязливо озираясь по сторонам. — Поедемте-ка мы, барин, поскорее домой. Становится поздно... Маменька давно уже ждет вас.

И коляска быстро покатила по ухабистой дороге.

Казимир Ядевский возвращался на родину после долговременного отсутствия.

Он служил в Москве, в Петербурге и даже на Кавказе; только недавно полк его был переведен в Киев, и молодой человек отпросился в отпуск для свидания со своей матерью, имение которой находилось неподалеку.

На западе догорала вечерняя заря, обдавая пурпурным цветом леса, холмы, долины и уединенные усадьбы; в чаще леса сверкали блуждающие огоньки, или, быть может, глаза волков, отправляющихся на добычу. Лошади быстро мчались по неровной дороге, пересекаемой болотами с перекинутыми через них полуразвалившимися мостами. Наконец вдали показалось село Конятино, тонувшее в зелени садов и огородов. Легкий дымок поднимался над соломенными кровлями хат, сквозь отворенные двери которых виделся огонь в очаге; у колодца, громко смеясь, разговаривали босоногие крестьянские девушки; собаки, завидя экипаж, залились дружным лаем.

Между тем, уже наступили сумерки. Казимир высунулся из коляски, чтобы взглянуть на родительский дом — сквозь густую зелень тополей виден был свет в окнах. Наконец ворота отворились, и старая лягавая собака с радостным визгом подбежала к коляске. Сердце юноши затрепетало при мысли, что он возвратился домой после стольких лет отсутствия!

Навстречу ему по ступенькам крыльца спускалась добрая старушка, его мать; она обняла, поцеловала, перекрестила свое ненаглядное сокровище и теперь смотрела на него, как будто не веря своим глазам.

— Ах, как долго продолжалась наша разлука! — наконец проговорила она, отирая радостные слезы. — Как ты вырос, возмужал... как тебе идет этот мундир!.. А уж как я боялась, чтобы тебя не убили на Кавказе!..

Целая толпа слуг окружила молодого барина — каждый старался поцеловать его руку. Старушка Ядевская никому не позволила прислуживать дорогому гостю: она сама подала ему ужин, сама налила в стакан венгерского вина, и затем села у окна, любуясь своим сыном.

Да и было чем полюбоваться! Среднего роста стройный юноша, с правильными чертами лица, белокурыми волосами и большими, выразительными голубыми глазами был действительно очень хорош собою.

— Надолго ли ты ко мне приехал? — спросила мать.

— На две недели, моя дорогая! Киев отсюда недалеко; я буду часто ездить к тебе.

— А к Рождеству приедешь?

— Даже раньше, если будет возможно.

Казимир осмотрелся вокруг и с удовольствием отметил, что в обстановке комнат ничто не изменилось со времени его отъезда. Мебель стояла на прежних местах; вот диван, обтянутый знакомой цветной материей; у зеркала — старинные часы; над печкой — гипсовая статуя Дианы; на комодке — граненые стаканы, из которых он пил еще в детстве.

— Ну, что подельывает Эмма? — спросил он.

Ядевская пожала плечами.

— Надеюсь, что она не сбилась с пути истинного? — продолжал молодой человек.

— Как тебе сказать?.. И мать, и дочь сделались уж чересчур набожны... целый день молятся да поют псалмы... Ты, наверное, и не узнал бы своей прежней подружки.

— Я сейчас пойду к ним.

— К чему такая поспешность?

— Мне хочется поскорее увидеть мою маленькую Эмму, с которой мы когда-то строили карточные домики.

— Ступай, если хочешь, но ты будешь разочарован.

— Как далеко отсюда до Бояр? Я полагаю, не более четверти часа ходьбы?

— Вероятно, да...

Молодой человек зарядил ружье, взял фуражку, простился с матерью и вышел из комнаты.

Дорога шла через луг, на котором паслись лошади. Пастухи сидели у горящего костра, полная луна озаряла окрестность своим мягким серебристым светом, вдали слышался был плеск воды.

Сильно билось сердце юноши, когда он подходил к усадьбе села Бояры.

Он тихонько постучал в ворота — залаяла собака. Огромный двор был пуст, ни в одном окне не было огня; вокруг царил глубокая тишина, только стройные тополя таинственно шептались между собою.

Казимир постучался сильнее и вскоре услышал шорох приближающихся шагов.

— Кто там? — раздался хриплый, старческий голос.

— Дома ли госпожа Малютина?

— Нет.

— А барышня?

— И ее дома нет.

Молодой человек пожал плечами и, понутив голову, отправился в обратный путь через рощу. Пройдя несколько шагов, он заметил вдали между деревьями пылающий костер, вокруг которого мелькали черные тени.

— Кто вы такие? — спросил молодой человек, подходя ближе с ружьем в руках.

— Мы цыгане, сударь, — подобострастно отвечал рослый смуглый парень, кланяясь чуть не до земли.

Взору молодого офицера предстала живописная картина: на небольшой лужайке расположился цыганский табор — несколько палаток, позади которых стояли телеги и паслись стреноженные лошади. Пожилые цыгане спали у костра на подостланных плащах, молодой парень сдирал кожу с ягненка — вероятно, украденного; женщины занимались стряпней или убаюкивали ребятишек, дети голышом сновали взад и вперед, мешая старшим работать, за что получали пинки и подзатыльники, — брань, крик, визг, хохот, лай собак, — хаос в полном смысле этого слова.

Казимир не без любопытства осматривался, как вдруг к нему верхом на ручном медведе подъехала молодая красивая женщина, с пламенными черными глазами и растрепанными волосами. Фантастический ярко-красного цвета наряд ее был отделан белой овчиной.

Гордо, с насмешливой улыбкой на губах красавица кивнула головой незваному гостю.

— Зачем ты пришел к нам, прекрасный незнакомец? — спросила она, ловко соскакивая с медведя. — Подари мне что-нибудь... Я тебе погадаю. Мне известно не только твое прошлое, но и то, что ожидает тебя в будущем!

Молодой человек улыбнулся и подал ей серебряную монету. Она немедленно опустила монету в карман, и заговорила, внимательно рассматривая линии на его ладони.

— Ты будешь счастлив... очень счастлив в будущем... но, тебя подстерегают большие опасности, тебе предстоят испытания... Не бойся, ты преодолеешь их, если будешь смел и благоразумен. Ты встретишь двух женщин... ты полюбишь обеих... и они будут любить тебя... но одна из них будет твоим злым гением и, если

не остережешься, она погубит тебя... Зато другая будет твоим ангелом-хранителем и в конце концов выручит тебя из беды...

Цыганка задумалась.

— Скажешь еще что-нибудь?

— Остальное все покрыто мраком... Но берегись, барин, твоя линия жизни перекрещена в нескольких местах...

В эту минуту в воздухе раздался какой-то странный звук, похожий на жалобный стон.

— Это что такое? — воскликнул юноша.

— Закрой глаза и уши, — таинственно проговорила предсказательница, — этих людей надо избегать... они опасны!

— О ком говоришь ты?

— Разве ты не слышишь, как они поют гимны, эти благочестивые люди, называющие себя посланниками неба?.. Это члены недавно возникшей секты... Берегись, барин, в воздухе пахнет кровью!..

Казимир побежал по направлению к реке, откуда доносились заунывные звуки, и при лунном свете увидел большую лодку, наполненную мужчинами и женщинами. Все они сидели, понутив головы, и пели, колотя себя кулаками в грудь. У руля был прикреплен пылающий факел, а посередине лодки возвышался деревянный крест. Из ран распятого Спасителя струилась алая кровь и крупными каплями падала на опущенные головы кающихся грешников.

Молодой человек не верил своим глазам; все это казалось ему каким-то странным, тяжелым сном.

II. Мать и дочь

На следующий день, часов около двенадцати, Казимир снова отправился в Бояры. Ворота были заперты. На стук отозвался вчерашний хриплый голос и объявил ему, что господ дома нет.

— Все равно — отвори!

— Мне приказано никого не впускать.

— Ну, это мы увидим! — и с этими словами молодой человек вскарабкался на стену и спрыгнул с нее во двор, посреди которого стояла старая баба.

— Да вы, должно быть, разбойник! — в ужасе всплеснула она руками.

— Разве ты не видишь, что я офицер, — улыбаясь, возразил молодой человек, — и, кроме того, старый знакомый твоей барыни.

Баба в недоумении пожимала плечами, но юноша не обратил на это внимания и, перебежав через двор, начал подниматься по каменным ступенькам крыльца.

В дверях его встретила высокая пожилая женщина, с горделивой осанкой.

— Госпожа Малютина?..

— Это я, милостивый государь.

— Неужели вы меня не узнали? Я Казимир Ядевский.

Неопределенная улыбка скользнула по губам Малютиной.

— Пожалуйте, — сказала она, протягивая гостю руку для поцелуя. — Эмма будет рада вас видеть... Вы очень возмужали.

— Наружность обманчива! — возразил юноша, следуя за хозяйкой в гостиную. — Я все тот же мальчишка, который в былые времена воровал у вас яблоки и сдобные лепешки.

Гостиная была пропитана каким-то странным запахом, напоминавшим не то церковь, не то аптеку — в ней, вероятно, давно не отворяли окон.

Мебель была покрыта чехлами из небеленого холста, — словно посыпана пеплом. Заметно было, что хозяйка редко принимает гостей. Это была женщина чрезвычайно представительной наружности; несмотря на свои сорок пять лет — совершенно седая. Но черные глаза ее блестели, а на полных щеках играл легкий румянец, так что ее вряд ли можно было назвать старухой.

Вдруг отворилась дверь, и в комнату вошла молодая девушка высокого роста, со строгими, неподвижными, но, тем не менее, прелестными чертами лица.

— Эмма! — вскричал юноша, бросаясь ей навстречу.

— Это вы? — сквозь зубы процедила она и, протянув ему руку, села к окну, как бы желая показать, что его неожиданный визит не доставляет ей особенного удовольствия.

Казимир не мог отвести от нее взгляд. В его отсутствие она расцвела и из ребенка превратилась во взрослую красивую девушку, к которой вовсе не шел ее полумонашеский наряд и строгая прическа: ее белокурые с золотистым отливом волосы были гладко зачесаны за уши и заплетены в массивную косу. Ни ленточки, ни цветочка — ничего.

— По-видимому, вы живете в совершенном уединении, — начал молодой человек.

— Как видите, — сухо отвечала Малютина.

— Неужели такая жизнь может нравиться Эмме?

— Я вполне разделяю устремления моей матери, — равнодушно проговорила девушка. — Вам, привыкшему возвращаться в блестящем вихре модного света, такой образ жизни может показаться странным, даже смешным, но мы к нему привыкли и довольствуемся им. На свете так много злых людей... так много обольстительных искушений, с которыми человеку трудно бороться... Живя в уединении, легче уберечься от греха и спасти свою душу.

— В Киеве жизнь очень приятна, уверяю вас, — заметил Казимир.

— Вы служите в Киеве? — спросила Эмма.

— Да, туда недавно перевели наш полк.

Эмма бросила на мать выразительный взгляд и задумалась.

Заметно было, что в голове ее бродит какая-то неотвязная мысль, но черты ее лица оставались по-прежнему неподвижны, только густые брови слегка нахмурились, да губы крепко сжались.

— К чему такие церемонии со мною, милая Эмма? — сказал юноша, подходя к подруге своего детства. — Разве вы забыли, как мы вместе играли и проказничали? Неужели я стал для вас совершенно чужим человеком?

Он взял ее за руку, но рука эта была гладка и холодна, как змея, и Эмма тут же ее отдернула.

— Скажите, чем я перед вами провинился? Ну, хоть взгляните на меня поласковее...

— Я теперь уже не та, что была прежде.

— Даже в отношении ко мне?

— Разумеется, — как бы нехотя проговорила Эмма и отвернулась в сторону.

В сердце Казимира боролись два совершенно противоположных чувства: любовь к очаровательной, загадочной красавице разгорелась в нем новой силой, и в то же время рядом с Эммой и ее матерью его охватывала тревога, необъяснимый страх леденил его сердце.

Следующий визит его был удачнее: он застал Эмму одну. Когда он проходил по двору, она стояла у открытого окна. Молодому человеку показалось, что на губах ее играет какая-то неуловимая, язвительная усмешка.

— Вы опять пришли, — встретила она его с оскорбительным равнодушием.

— Как видите, — отвечал он, — у меня достало на это храбрости... Недаром же я солдат!

— Но я дома одна и не могу принять вас.

— Одна? Тем лучше! Какое нам дело до светских приличий! Что за церемонии между старыми друзьями!

— Ну, так пожалуйста.

Из передней, где перед огромным распятием теплилась лампада, Казимир вошел в пропитанный запахом ладана коридор, в конце которого, у отворенно двери, ждала его молодая хозяйка.

— В сущности, мне нечего бояться, — сказала она. — Это чистое ребячество с моей стороны.

— Умные речи и слушать приятно! — улыбнулся молодой офицер, крепко пожимая руку Эммы. — Так как первый шаг за пределы светских приличий уже сделан, то я воспользуюсь этим и попрошу вас говорить мне по-прежнему «ты», как в прежние времена, когда мы играли вместе и вы назывались моей маленькой женой. Помните, как мы с вами строили домики из снопов?

— Извольте, я согласна, но с условием, что вы не будете за мною ухаживать.

— Даю вам честное слово, Эмма, я затаю в глубине сердца свою любовь к вам... Вспомните слова поэта: «Ведь сердце любит, не спросясь!» С ним справиться трудно!

— Этого я не могу тебе запретить, — спокойно сказала красавица, — но не рассчитывай на взаимность; я никогда никого не полюблю и никогда не выйду замуж.

— Ты намерена сделаться Христовой невестой?

— Нет... Живя в свете и постоянно борясь с искушениями, спастись труднее, чем за высокими стенами монастыря; такой подвиг важнее во всех отношениях.

— Мне кажется, что ты относишься ко мне так недоверчиво только потому, что я военный.

— Вовсе нет! И война имеет свою хорошую сторону; с ее помощью множество людей попадают в рай... Великая заслуга перед Господом — умереть на поле битвы!

Казимир не без удивления взглянул на свою собеседницу. Она сидела, опустив голову на грудь, у забранного железной решеткой окна, словно преступница в тюрьме. Незатейлива была обстановка ее более чем скромной комнаты: простая кровать под белым пологом, столик, пара стульев, да образ Спасителя в золотой ризе, под которым висела плеть.

«Это что такое? — промелькнуло у него в голове. — Неужели ее фанатизм доходит до абсурда... до самобичевания?»

Он положительно терялся в догадках.

Через несколько дней Казимир снова явился в Бояры. Эмма была в саду. На ней было простенькое белое платье, которое очень шло ей. Внезапное появление Казимира испугало ее — она вздрогнула и покраснела.

— Неужели мое присутствие так для тебя неприятно, что ты смущаешься и дрожишь? — с упреком заметил юноша.

— Напрасно ты так думаешь, — возразила Эмма. — Я никого и ничего не боюсь... Ты знаешь, что я к тебе хорошо расположена, — насколько мне это позволено, — а, значит, я всегда рада тебя видеть... Откровенно говоря, тебе бы следовало избегать встреч со мною.

— Это совершенно справедливо.

— Но не в том смысле, в каком ты думаешь.

— А в каком же?

Вместо ответа девушка сорвала ветку шиповника и так сильно ударила себя ею по руке, что на коже выступила кровь.

— Что ты делаешь?! — вскричал Казимир.

— То, что мне приятно, — было лаконическим ответом.

— Неужели тебя тешит эта добровольная пытка?

— Она полезна и приятна для тех, кто желает спасти свою душу и пренебрегает земными благами.

— Ты воображаешь, что Бог создал тебя для одних страданий, а не для радостей и земных наслаждений?

— Так говорят мужчины — закоренелые грешники;

женщины несравненно строже относятся к своим словам и поступкам, — вот почему они меньше грешат.

— Следовательно, ты безгрешна, — с коварной улыбкой сказал молодой человек, — в таком случае возведи и меня на ту лучезарную высоту, на которой ты стоишь.

— Не проси меня об этом... Тернист и труден путь, ведущий в царство небесное!

Эмма устремила на юного грешника взор, полный сострадания.

— Уходи, уходи отсюда! — прибавила она с мольбой в голосе. — Меня ищут... меня зовут... — и, кивнув ему головой, убежала по направлению к дому.

Не успела она скрыться из виду, как у садовой калитки показался высокий красивый мужчина, лет сорока, с бородой и вьющимися светло-русыми волосами, в широкой черной одежде. Правильные черты его лица носили на себе отпечаток железной воли и безмерного властолюбия.

«Кто это? — подумал Казимир Ядевский. — Духовная особа или воплощенный демон? Что за чудеса?..

Не понимаю!»

III. Эмма

Как хороши бывают первые дни сентября в благословенной Малороссии! Яркие, но не жгучие лучи солнца золотят скошенные поля и нивы; деревья в садах подернулись желтизной, их ветви пригибаются к земле под тяжестью плодов; цветут астры и георгины, по синему, прозрачному небу тянутся стаи аистов; воздух пропитан ароматом запоздалых трав. В шинках слышны веселые песни и звуки незатейливых сельских инструментов, на гумнах — мерный стук цепов.

В один из таких прекрасных дней, рано утром, Казимиру Ядевскому вздумалось пойти на охоту. Настреляв полный ягдташ бекасов, он прилег отдохнуть на берегу реки, в тени старой ивы; легкий ветерок пробежал по зеркальной поверхности воды и казалось, что она усыпана миллионами золотых блесков. Долго лежал усталый охотник, мечтая об Эмме, как вдруг вдаль на реке показалась лодка, и перед ним предстал предмет его поэтических грез, в белой одежде, среди водяных лилий.

Увидя Казимира, девушка невольно вздрогнула, но тут же причалила к берегу и, протянув руку, сказала:

— Ты охотишься в этих местах?

— Да, истратил горсть пороху... а теперь отдыхаю, мечтая о тебе... Возьми меня с собой, ангел небесный?

— Какой же я ангел!.. Садись, и для тебя найдется местечко в моей лодке.

Казимир вскочил в лодку и сел у руля, собака легла у его ног.

— Прекрасен Божий мир! — начал он, любуясь живописным ландшафтом. — Природа — это обширный храм, в котором каждый человек может молиться или предаваться глубоким размышлениям!

— По-твоему, наша земля — это прекрасный алтарь, с которого возносится к небесам фимиам наших молитв... Это только так кажется!.. В сущности же, она — огромный жертвенник, на котором страдают Божьи создания во славу Творца своего.

— Какое ужасное умозаключение!

— Было время, когда и я наслаждалась жизнью и мечтала о счастье... Но настал день, когда я убедилась в своем заблуждении, когда завеса упала с моих глаз, и я взглянула на жизнь по— настоящему... Я ужаснулась!.. Мне показалось, что солнце померкло, что земля покрылась ледяной корой... Сердце замерло в моей груди!.. Ты счастлив, потому что наслаждаешься настоящим и надеешься на прекрасное будущее... Для меня радости и надежды не существует... Я сознаю, что мир есть чистилище, что мы созданы для того, чтобы каяться, молиться и страдать!

— Да это какие-то дикие, чисто индейские воззрения! — воскликнул молодой человек. — К сожалению, они проникли в Россию и, под видом различных сект, проповедуют идеи, чуждые православной вере. Уж не принадлежишь ли и ты к одной из этих сект, Эмма?

— Нет, — с принужденной улыбкой возразила красавица, — то, что я тебе говорю, настолько очевидно, что каждому бросается в глаза, стоит только всерьез задуматься над целью нашей жизни.

Молодые люди причалили к берегу, выбрались из лодки и пошли по лугу. Вскоре они набрали на муравейник.

— Взгляни на это маленькое чудо, — сказал Казимир, — как умно устроена их крошечная республика. Неужели ты думаешь, что и эти трудолюбивые создания несчастны?

— Да, и они несчастны, потому что и у них есть властители и рабы. Посмотри, как твои хваленые республиканцы терзают бедную улитку! Предположим даже, что эти муравьи счастливы; но их счастье можно мгновенно разрушить! — и Эмма с явной злобой начала топтать муравейник ногами.

Казимир молча склонил голову и пошел по тропинке в рощу. Там девушка обратила внимание своего спутника на птичье гнездо в дупле старого дерева.

— Не правда ли, как мило?! Настоящая идиллия! Заботливая мать семейства кормит своих птенцов... Трогательная картина! Но она кормит их насекомыми, которым это едва ли приятно.

В эту минуту ястреб налетел на беззащитную птичку и вонзил в нее свои когти. Казимир схватил ружье и выстрелил в хищника. Ястреб упал на землю вместе со своей жертвой.

Эмма захохотала.

— А ты, человек, краса и венец творения, что ты делаешь? — воскликнула она. — Ты убиваешь не хуже других! Куда ни взглянешь, везде мучения, насилие, кровопролитие, смерть и уничтожение!

На этом их разговор оборвался, и они молча дошли до усадьбы села Бояры. У ворот Казимир простился с Эммой. Тяжелые думы бродили в его голове, когда он возвращался домой.

На другой день какая-то неведомая сила вновь потянула его в Бояры. Против обыкновения ворота были открыты. На дворе стояла повозка, обтянутая холстом и запряженная тройкой тощих лошадей. У кухни на скамье сидел еврей в черном долгополом кафтане и считал что-то по пальцам.

Казимир заглянул в окно гостиной и немало удивился, увидев Эмму перед зеркалом в роскошном шелковом платье, вышитых золотом туфельках и бархатной, подбитой соболями шубке. Коса, переплетенная жемчугом, диадемой лежала на ее прелестной головке.

— Какая ты красавица! — в восторге воскликнул юноша.

Эмма вздрогнула и, побледнев, устремила на него взор, полный упрека.

— И ты наряжаешься, — продолжал он, — но только не для меня.

— Я примеряю платье, — спокойно возразила девушка, — там, на дворе, дожидается портной.

— Прекрасно... но ведь не для того же ты заказала себе этот наряд, чтобы повесить его в шкаф, где он будет изъеден молью.

— Ты слишком любопытен.

— Нет, я только удивляюсь... Этот наряд неприличен при той маске святости, которую ты носишь.

— Я не ношу никакой маски, — с горькой усмешкой возразила Эмма. — Наряжают и жертву, идущую на заклание, точно так же, как и жрицу, держащую в руке нож.

— Которую же из двух ты изображаешь?

— Быть может, и ту и другую.

— Для меня ты идеал моих юношеских грез, красивейшая из женщин!

С тобой могут соперничать по красоте только изящные произведения греческих ваятелей или таких художников, как Тициан и Веронезе!

Под влиянием страстного порыва юноша вскочил через окно в гостиную, обнял Эмму и крепко поцеловал ее.

Удивительно, но девушка не рассердилась на него за эту бурную выходку, она даже не защищалась от его поцелуев, она только внимательно посмотрела на него и сказала с необыкновенной кротостью:

— Я уже предостерегала тебя, Казимир, и советовала держаться от меня подальше. Я не верю твоей любви, потому что не могу любить тебя, а пламя, не имеющее пищи, само собою угасает. Знай, что если бы я только захотела, ты сделался бы моим рабом, но я этого не желаю.

— Но почему же ты не хочешь? Мы созданы друг для друга... Согласись быть моей женой!

Эмма отрицательно покачала головой.

— Быть может, ты любишь другого?

— Нет.

— Я тебя не понимаю!

— Не старайся заглядывать в мою душу... Забудь меня...

Твоя цветущая молодость вызывает во мне сочувствие; я не отвергаю тебя потому, что сердце мое еще свободно... Ты погибнешь, если я когда-нибудь полюблю тебя. Беги от меня, пока еще не поздно!

— А что если уже поздно?

— В таком случае, это предопределение судьбы и оно должно исполниться.

— Следовательно, ты позволяешь мне надеяться?

Эмма села на диван и глубоко задумалась.

— Я храбр, — продолжал юноша, — и, чтобы завоевать тебя и назвать своей женой, готов сражаться хоть с демонами!

— Но не с Богом, Казимир! Власть его безгранична... Путь, по которому я иду, труден, мрачен, полон бедствий и нравственных страданий, но он ведет меня к лучезарному свету... Не стремись идти по нему рядом со мной. Ах, если бы я могла рассказать тебе!.. Но нет, я не смею... На уста мои наложена печать безмолвия.

— Скажи мне только, что ты меня любишь.

— Нет, я не люблю тебя... и ты должен благодарить за это Бога.

IV. Поручение

Целая вереница разнообразных мыслей преследовала Казимира Ядевского, когда он, подавленный, возвращался домой.

Смеркалось. Скрестив руки на груди, в глубокой задумчивости, стояла Эмма у окна. Ей мерещились привидения в длинных белых саванах, демоны в образе огромных летучих мышей, карлики с седыми бородами...

Внезапное появление на дворе рослого молодого малороссиянина вывело девушку из оцепенения.

— Это ты, Долива? — спросила она.

— Да, — отвечал гигант, — меня прислал священник... он просит вас приехать к нему.

— Сегодня?

— Точно так.

Эмма кивнула и, поспешно переодевшись, вышла на крыльцо.

На дворе стояла уже оседланная лошадь. Красавица ловко вскочила на нее и с места галопом выехала за ворота. Быстро мчалась она, с легкостью преодолевая препятствия, и вскоре подъехала к воротам Окоцина.

Это был древний польский замок, построенный на холме по ту сторону Днепра и обнесенный высокой стеной.

Узенький мостик, перекинутый через глубокий ров, вел прямо к массивным воротам. Эмма остановила свою лошадь. По условленному знаку, поданному девушкой, ворота медленно отворились, и она въехала во двор, где ее встретил седой старик в темно-синем казакине и помог сойти с лошади.

Пройдя по длинному, слабо освещенному коридору, Эмма тихонько постучала в маленькую, обитую железом дверь.

— Кто там? — произнес кто-то мягким, чрезвычайно приятным голосом.

— Это я.

— Войди.

Комната средней величины была похожа на тюремную камеру: единственное окно ее было заделано железной решеткой, стены выкрашены в серый цвет, на одной из них — огромное распятие и под ним плетъ. На деревянной кровати вместо тюфяка лежала охалка соломы, рядом, на полу — кусок черного хлеба и кружка с водой. У окна стоял грубо сколоченный из досок некрашенный стол, на котором лежало раскрытое Евангелие. Комната освещалась двумя восковыми свечами.

У стола, склонив голову на руку, сидел человек, которого Казимир видел в Боярах несколько дней назад. Густые длинные светло-русые волосы и такая же борода окаймляли красивое лицо, ничем не напоминавшее бледный, изнуренный лик аскета. На щеках его играл легкий румянец, большие голубые глаза смотрели гордо и повелительно, полные красные губы невольно наводили на мысль о греховных наклонностях — одним словом, все в этой загадочной личности изобличало высокомерного деспота.

Стоя на коленях и смиренно склонив голову, ожидала Эмма приказаний своего повелителя.

— Я призвал тебя сюда, — начал он плавным, низким голосом, — с целью послать в Киев по весьма важному делу.

— Ты уже говорил мне об этом, апостол.

— Когда же ты можешь выехать?

— Приказывай, я сделаю, как ты велишь.

— В таком случае, поезжай дня через три, я уже отправил в Киев все необходимые распоряжения.

— Не узнали бы меня там?

— Ты будешь жить под своим именем. Я даю тебе очень важное поручение и надеюсь, что оно будет исполнено в точности — вот почему я избрал именно тебя. Ты обладаешь светлым умом, твердым характером и непреклонной волей, что ты уже неоднократно доказала; но скажи мне откровенно, чувствуешь ли ты себя вполне достойной принять эту великую обязанность, достаточно ли чисты и непорочны твои помыслы?

— Нет, апостол.

— Исповедуйся в грехе, отягощающем твою совесть.

Эмма наклонилась и молча прикоснулась губами к ногам своего повелителя.

— Ты влюблена?

— Нет, апостол.

— В твоём сердце вновь возникло нежное чувство к твоему старому другу?

Девушка подняла голову и смело посмотрела в глаза своего собеседника.

— Я не люблю его, — проговорила она с неподражаемой уверенностью. — Но любовь его, словно солнечный луч, озарила мою душу и возбудила во мне желание стать счастливой женой и матерью. Мною овладело сомнение.

— И он надеется, что ты будешь его женой?

— Да... несмотря на то, что я советовала ему избегать меня.

— Не отнимай у него надежды, — сказал апостол. — Он живет в Киеве и при случае сможет защитить тебя. Будь благоразумна, не оскорбляй его, иначе он из друга превратится в твоего злейшего врага.

— Постараюсь.

— Поезжайте вместе в Киев и как можно чаще гуляйте по улицам города. Не скрывай, что он за тобою ухаживает, я так хочу.

— Я готова безусловно повиноваться тебе.

— Этот офицер может быть тебе полезен в том кругу, в котором ты будешь вращаться. Возложенная на тебя обязанность очень затруднительна... Знакома ли ты с графом Богуславом Солтыком?

— Нет, но я слышала, что знакомство с ним опасно для девушек.

— Это совершенно справедливо. Граф великий грешник, давно уже навлекший на себя гнев Божий и проклятия своих близких. Ты избрана нами для того, чтобы спасти его душу от окончательной гибели и вечных мук. Сознаю, что тебе трудно будет устоять против соблазна. Граф красив собою и обладает всеми рыцарскими добродетелями: он силен до безумия и пренебрегает всеми опасностями для достижения своей цели. При этом он человек в высшей степени безнравственный, для которого нет ничего святого.

Апостол вынул из стола запечатанный конверт и подал его Эмме.

— Здесь находится все, что тебе необходимо знать об этом человеке и о той высокой миссии, которая тебе предстоит, — заметил он. — Не распечатывай этот конверт до приезда в Киев и сожги хранящиеся в нем рукописи после того, как ты их прочтешь.

В Киеве у тебя будут верные слуги и усердные помощники, которым приказано беспрекословно повиноваться тебе. Если же случится что-нибудь непредвиденное или тобой овладеет сомнение, то обратись прямо ко мне, и я вышлю тебе мои инструкции.

— Постараюсь исполнить в точности все твои предписания, апостол, и надеюсь, что ты будешь мною доволен.

— Знай, что ты не слепое орудие в наших руках. Господь одарил тебя необыкновенными способностями. Если в Киеве тебе представится возможность действовать и в каком-либо другом направлении, не стесняйся ничем, исполняй твое призвание, не отступай от заповедей Божьих и нашего святого учения и ты не ошибешься.

Тебе предстоит совершенно новый образ жизни. Ты будешь принята во всех аристократических салонах и сможешь накинуть сеть на все городское общество. Посещай театры, концерты, балы, гулянья, окружи себя поклонниками. Я возлагаю на тебя огромные надежды. Нет ли у тебя там других знакомых, кроме Ядевского?

— Там живет приятель моего покойного отца, участковый пристав Бедросов.

— Отлично! Этот человек будет нам очень полезен! — апостол задумался.

— Не будет ли еще каких-нибудь приказаний? — спросила Эмма после минутного молчания.

— Нет, я передал тебе все, что было нужно. Ступай с Богом!

— Разве ты не наложишь на меня епитимии? Я желала бы очистить мою совесть до отъезда в Киев.

— Хорошо. Следуй за мной.

И он повел ее через двор в небольшую капеллу, где царил таинственный полумрак. Над алтарем перед распятием теплилась лампада, озаряя слабым светом только лик Божественного страдальца.

— Подожди меня здесь, — сказал апостол. — Покайся в грехе, смирись перед Господом и твоим милосердным судиею!

Эмма крестообразно распростерлась на полу перед алтарем и начала усердно молиться, обливаясь горькими слезами. Изредка в ночной тишине раздавались глухие стоны и тихое пение псалмов; из леса доносился крик совы.

Шорох приближающихся шагов заставил кающуюся грешницу подняться на ноги.

Перед нею стоял апостол с плетью в руке... Эмма упала на колени и склонила голову, ожидая заслуженной кары...

Кроткими очами и с грустной улыбкою на устах взирал на это истязание увенчанный терновым венцом Спаситель.

V. Блуждающий огонек

На следующий день после обеда Эмма приехала со своей матерью в село Конятино.

«Это что-нибудь да значит», — подумала Ядевская, поспешно накидывая на плечи турецкую шаль, и быстрыми шагами пошла навстречу неожиданным гостям.

Казимир был уже в гостинной и очень удивился, когда Эмма с приветливой улыбкой подала ему руку. Будто она переродилась или как змея переменяла кожу. Скромный полумонашеский наряд ее исчез бесследно. На ней было красивое белое платье с голубыми бантами, волосы были заплетены в две роскошные косы, глаза блестели, на губах играла радостная улыбка.

— Прикажете распрячь ваших лошадей, дорогая соседка, — упрасивала Ядевская. — Я не отпущу вас без ужина, вы у меня такая редкая гостья!

Малютина взглянула на свою дочь, та едва заметно кивнула, и радушное приглашение было принято.

Выпив чашку кофе, Эмма предложила Казимиру погулять с ней в саду.

— Что с тобою? — воскликнул он, сходя по ступенькам террасы. — Ты сегодня так мила, что я тебя просто не узнаю!

— Заметь, друг мой, — ответила Эмма, — что женщины становятся необыкновенно любезны, когда намерены обратиться к кому-нибудь с просьбой.

— Чего же ты от меня хочешь?

— Об этом после.

На клумбах еще осталось несколько запоздалых астр и георгинов. Эмма нарвала цветов, села на скамейку у бассейна, сплела венок и надела его себе на голову. Казимир молчал, не сводя с нее глаз.

— Ты мне очень нравишься, когда сидишь так смиренно, — сказала она, протягивая ему обе руки, — будь всегда таким же умницей.

— Почему же ты запрещаешь мне любить тебя?

— Я желаю, чтобы ты был моим другом, но боюсь довериться тебе — меня пугают твои страстные порывы.

— Признайся, что ты любишь другого, и я перестану жаловаться на судьбу.

— Не могу же я признаваться в том, чего нет! Поверь, если бы мне вздумалось полюбить мужчину, то я избрала бы тебя.

— Золотые пилюли!

— Клянусь, что никто, кроме тебя, не будет моим мужем! Доволен ли ты этим? Но к этому я прибавлю, что не намерена выходить замуж.

— Девические фантазии!

— Попробуй уговорить меня, и ты убедишься, что я мраморная статуя, не хуже вот этой царицы амазонок, которая прячется там, в густой зелени.

— Чем же я могу быть тебе полезен? — спросил Казимир после непродолжительной паузы.

— Я хочу попросить тебя...

— Почему же не приказать?

— Потому что ты мой друг, а не раб.

— Говори же, в чем дело?

— Дня через два я еду в Киев, не проводишь ли ты меня?

— С величайшим удовольствием!

— Итак, решено — мы поедем вместе.

— Долго ли ты там пробудешь?

— Быть может, до весны.

— Отлично!

— У меня есть дела, которые задержат меня в Киеве на несколько месяцев.

— Тебе есть, где остановиться?

— Я буду жить у своей старой тетушки. У нее собственный дом на Подоле, но мне нужен мужчина в качестве защитника. Не хочешь ли ты быть моим рыцарем?

— И ты еще спрашиваешь? — вскричал юноша. — Боже, какое счастье сулит мне грядущая зима! Сколько приятных вечеров проведу я с тобой, сидя у камина!

— Дай мне слово, что ты не нарушишь моего душевного спокойствия.

— Постараюсь быть таким же хладнокровным, как ты.

— Я вовсе не хладнокровна. Просто во мне нет страстных порывов, и тебе советую их сдерживать.

За ужином Эмма подняла свой бокал, чокнулась с Казимиром и шепнула ему:

— За счастливое будущее!

На прощание, садясь в коляску рядом с матерью, она протянула ему руку и прибавила:

— Можешь поцеловать ее, я тебе не запрещаю.

Юноша впился губами в изящную маленькую ручку, которую у него быстро отняли.

— До свидания! — раздалось в ночной тишине, и сытые вороньи лошади помчались по дороге, поднимая целое облако пыли.

Весь следующий день Казимир провел со своей матерью, а вечером принялся укладывать чемодан. На этот раз расставание было для него не так тягостно, как прежде — его манил за собою чудный призрак.

Рано утром он был уже на ногах и вышел в сад, где вскоре столкнулся со своей матерью. Глаза старушки были заплаканы. Она села рядом с сыном на скамейку и молча пожала ему руку.

— Обещай мне, — начала она, с трудом сдерживая душившие ее рыдания.

— Что такое, милая мама? — спросил молодой человек, горячо целуя ее руки.

— Будь осторожен... Эмма...

— Да она и слышать не хочет о моей любви!

— Она так говорит, но я этому не верю... Предчувствие редко обманывало меня... она теперь не случайно тебя преследует... тебе грозит опасность.

— Даю тебе слово, что я буду осторожен.

Ровно в два часа пополудни приехала Эмма в дорожной карете, нагруженной сундуками, шкатулками и картонками. Горько плакала старушка Ядевская, расставаясь с сыном, и потом долго глядела вслед удаляющемуся экипажу.

Молча смотрели молодые путники на мелькающие мимо них поля, нивы, рощи, села и убогие деревушки. К югу тянулись стаи диких уток, в воздухе раздавались отдаленные звуки свирели или заунывной малороссийской песни.

Наконец Эмма обратилась к своему спутнику с вопросом: «Не знаком ли он с графом Богуславом Солтыком?»

— Нет, — отвечал Казимир. — Но я слышал от моих товарищей, что это какая-то странная личность, непонятная смесь Гамлета с Монте-Кристо.

День клонился к вечеру. Вдали показались позолоченные купола киевских соборов; на западе небо было красно, как огонь. Вскоре наступили сумерки. Вся окрестность подернулась легким туманом; на небе одна за другой засверкали звезды; карета въехала в густой лес. Кучер остановил лошадей и зажег фонари. Вдруг в стороне от дороги, над болотом, что-то блеснуло.

— Блуждающий огонек, — заметил Ядевский.

— Мой символ, — ответила девушка. — Не ходи за мной, если я поманю тебя, а то попадешь в болото и погибнешь.

— Какие пустяки! Разве ты сирена, прельщающая путника для того, чтобы утопить его?

— Не только русалки губят легковверных юношей.

Было уже поздно, когда карета въехала в Киев, но дома и улицы были еще освещены, а по тротуарам двигались толпы гуляющих. По мере того, как путники приближались к Подолу, прохожих становилось все меньше. Фонари едва мерцали. В этой части города царил полумрак — лавки уже давно были закрыты. Наконец усталые лошади остановились перед маленьким одноэтажным домиком с закрытыми ставнями.

Путники вышли из кареты, и Казимир позвонил у подъезда. Но прошло несколько минут, прежде чем дверь отворилась. На пороге показался старый седой лакей с фонарем в руках. Почтительно поцеловав руку Эммы, он начал вынимать из кареты багаж.

— Теперь мы с тобой простимся, — обратилась Эмма к своему спутнику. — Я очень устала и хочу отдохнуть. Мой кучер доведет тебя до твоей квартиры, а завтра вечером я жду тебя к чаю.

Они расстались.

На лестнице Эмму встретила скромно одетая старушка с серыми плутовскими глазами и ярким

румянцем на щеках.

— Елена?

— К вашим услугам, барышня.

— Ты уже получила распоряжения?

— Точно так.

— И знаешь, что будешь считаться моей тетушкой?

— Да, для посторонних, для вас же я самая покорная раба, — и старушка повела Эмму через ряд роскошно обставленных комнат.

— А это ваша спальня, — сказала она, отворяя последнюю дверь.

— Хорошо.

Эмма сняла дорожное платье, надела меховую кофту и села пить чай. Елена стояла у дверей, не спуская глаз со своей барышни.

— Какая же вы хорошенькая да молоденькая! — вздыхая, проговорила она и, печально понутив голову, вышла из комнаты.

Девушка заперла за ней дверь, достала из шкатулки конверт, полученный от апостола, внимательно прочла все инструкции и не легла в постель до тех пор, пока все бумаги не сгорели в камине дотла.

VI. Весталка

На другой день рано утром Эмма написала письмо матери и записочку приятелю своего покойного отца, участковому приставу Бедрову. На ее звонок явилась Елена с завтраком на подносе и вслед за нею старик лакей в парадной ливрее. Лукавые глаза его так и бегали по сторонам.

— Как тебя зовут? — спросила девушка.

— Борисом, сударыня.

— Отнеси эту записку участковому приставу Бедрову.

— Слушаю-с, — проговорил старик и, согнувшись в три погибели, пошел по направлению к двери, но тотчас же остановился и прибавил: — Я должен предупредить вас, сударыня, что для посторонних посетителей я глухонемой.

Эмма кивнула и, выпив чашку кофе, начала одеваться с помощью Елены.

— Ты поедешь со мной, — сказала она, охорашиваясь перед зеркалом.

— Как прикажете.

— Есть ли у тебя приличное платье, чтобы изобразить мою тетушку?

— Здесь уже все припасено.

Несколько минут спустя обе женщины вышли из дома пешком.

— Где здесь Красный кабачок? — тихонько спросила Эмма у своей спутницы.

— В нескольких шагах отсюда, — ответила старушка и повернула в узкую грязную улицу, где стоял шинок, красная крыша которого виднелась из-за высокого забора. — Вот он, — шепнула она, указывая глазами на невзрачный домик.

Оттуда они поднялись в старый город и остановились перед окнами магазина, в которых были выставлены фотографические портреты. Эмма осталась на улице, а Елена вошла внутрь и через минуту появилась с большим конвертом в руках.

Возвратившись домой, Эмма отпустила свою служанку, села на диван в гостиной и вынула из конверта портрет графа Солтыка. Долго и внимательно вглядывалась она в него, как бы изучая каждую черту лица, не хуже любого сыщика, рассматривающего портрет преступника, которого ему поручено поймать.

Граф был изображен в меховом шлафроке с длинной трубкою в зубах. Это был поистине красавец-мужчина: правильные, словно из мрамора высеченные черты лица, большие глаза, в которых светились ум, энергия и страстность, — одним словом, он обладал в высшей степени привлекательной наружностью.

Портрет графа еще лежал на столе, когда в гостиную вошел Бедров, живой, проворный мужчина лет сорока, невысокого роста, с жиденькими волосами, выдающимися скулами и крошечным уродливым носиком. Поцеловав руку Эммы, он подвел ее к окну, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, и воскликнул в порыве неподдельного восторга:

— Боже мой, как вы выросли, как похорошели! Давно ли я носил вас на руках! А помните ли вы, как запрягали меня в тележку да погоняли кнутиком? Как я рад, что мне привелось увидеть вас снова!

— Я очень рада найти в вас старого искреннего друга, — с приветливой улыбкой ответила Эмма.

— Звание друга я принимаю с благодарностью, но от старого отрекаюсь категорически! Разве я седой дряхлый старик? Я мужчина, как говорится, в расцвете лет! — и он расхохотался. — Да, милая барышня, в качестве друга вашего покойного батюшки я готов вас охранять от всех зол и напастей, но вместе с тем

оставляю за собой право иногда и приволокнуться за вами.

— А я ловлю вас на слове и провозглашаю моим рыцарем!

Бедросов отвесил низкий поклон и прибавил:

— Жду ваших повелений и надеюсь, что вы будете мною довольны!

— Сядьте вот тут, рядом со мной и поговорим по-дружески, — сказала молодая хозяйка, усаживая своего гостя на диван. — Признаюсь, что я вам завидую.

— Интересно узнать, чем именно возбуждаю я в вас это далеко не лучшее чувство?

— Вы пользуетесь преимуществом, о котором мы, простые смертные, и мечтать не смеем.

— Каким же это?

— Вы все обо всех знаете.

— Да... то есть, как вам сказать, — в сущности, это как повезет и лучшим вашим союзником бывает случай...

— Вам известно, как велико женское любопытство... Поневоле позавидуешь человеку, для которого тайн не существует, который смело заглядывает в самые сокровенные изгибы человеческого сердца и, как гигантский паук, накидывает свою паутину на весь город.

— Это в известной степени справедливо.

— Как бы я была счастлива хоть на миг приподнять завесу хоть какого-нибудь таинственного приключения!

— Почему же нет? Полиция нуждается в союзниках, а женщины умеют так ловко все выведывать. Здесь вам нет равных.

— В таком случае примите меня в число ваших агентов.

— С величайшим удовольствием! — ответил полицейский чиновник, целуя руку Эммы.

— Я сегодня же намерена проверить, как далеко простирается ваше всеведение, — с лукавой улыбкою проговорила девушка и спросила, указывая на лежащий на столе портрет: — Кто это такой?

— Граф Солтык, — без запинки отвечал Бедросов. — Разве вы с ним знакомы?

— Нет... Этот портрет был выставлен в окне одного магазина, и я купила его, потому что он мне понравился.

— Не вы первая и не вы последняя увлекаетесь наружностью этого господина! Послушайтесь моего дружеского совета: ограничьтесь портретом графа и избегайте личного знакомства с ним.

— Не думайте, что я в него влюбилась, просто он меня интересуется.

— И это небезопасно... Он деспот, Дон Жуан, закоренелый эгоист, человек бездушный, безнравственный, беспощадный!

— Боже, какими ужасными красками вы описываете его!

— Не одну несчастную жертву удалось мне вырвать из когтей этого изверга!.. Я пристально слежу за ним... Еще раз повторяю вам: это знакомство приведет вас к неминуемой гибели!

— Не беспокойтесь, я благоразумна. Ему не удастся опутать меня своими сетями.

— В таком случае, вы будете единственная женщина, не поддавшаяся дьявольскому обаянию этого хитрого человека.

Бедросов пообедал с Эммой в одном из лучших ресторанов города. После обеда они долго катались в коляске по окрестностям. Было уже почти темно, когда девушка вернулась домой. Вскоре приехал и Казимир Ядевский. Елена разыгрывала роль тетушки и наливала чай, сидя перед кипящим самоваром. В камине весело трещали дрова, хозяйка была в отличном расположении духа, что не ускользнуло от внимания ее собеседника.

— Чему ты удивляешься? — спросила она, — ты сделался благоразумнее, я сознаю себя в безопасности, вот почему я так весела.

— Следовательно, моя любовь к тебе безрассудна?

— Более того.

— Опасна?

Эмма утвердительно кивнула головой.

— Я не смею тебе этого объяснять, — прибавила она, — но поверь мне, эта любовь не принесет тебе счастья, по крайней мере, в том смысле, как ты его понимаешь.

— Неужели ты намерена до конца жизни остаться весталкою?

Горькая усмешка скользнула по губам красавицы.

— Я отказалась от всех стремлений молодого сердца и поступила совершенно сознательно. Я смотрю на жизнь, как на странствие по необозримой долине скорбей. Сама природа представляется мне в виде демона-искусителя, ведущего род человеческий к гибели. Она, подобно древнему змию, обольстившему праматерь нашу Еву, прельщает нас таинственным шелестом листьев в лесу, журчанием ручейка, звонкой песнью соловья и легким дуновением ветра. Она тешит нас призраками любви, дружбы и ангельской

улыбкой невинных детей. Все это не более как сети, которыми опутывает нас враг рода человеческого. Мы до такой степени поддались его пагубному влиянию, что грешим на каждом шагу, сами того не сознавая.

— По твоему мнению, человек должен добровольно отказаться от всего, что украшает его жизнь?

— Да, должен.

— Да ведь это будет не жизнь, а каторга!

— Тебя я люблю как друга, как брата, но тебе никогда не удастся увлечь меня в греховный вихрь иной любви.

В эту минуту позвонили у подъезда, и кто-то постучал в дверь. Елена вышла в коридор, где ее ждала женщина, закутанная в серый платок, из-под которого выглядывали большие блестящие глаза. Переговорив с таинственной незнакомкой, Елена вернулась в гостиную и, воспользовавшись минутой, когда Казимир подошел к лампе, чтобы закурить сигару, шепнула Эмме на ухо:

— Сюда приходила еврейка, хозяйка Красного кабачка.

— Что ей нужно?

— Она сделала какое-то важное открытие и рассчитывает на вашу помощь.

— Почему бы ей самой не объявить об этом?

— Она не решается.

— Хорошо, я согласна помочь ей.

— Бог наградит вас за это, добрая барышня!

— Когда же я ей понадобится?

— Это мы узнаем в свое время.

VII. Анюта

Через несколько дней после своего возвращения в Киев Ядевский вспомнил, что мать дала ему письмо к своей приятельнице Огинской, и поспешил доставить его по адресу. Старик Огинский был потомок древней аристократической фамилии, человек богатый, образованный, любезный — безукоризненный во всех отношениях.

Подъехав к роскошному барскому дому, стоящему на одной из центральных улиц старого города, Казимир вошел в переднюю и подал лакею свою визитную карточку. Минуту спустя перед ним отворились двери большой, со вкусом отделанной залы, где его встретил хозяин дома. Это был мужчина лет пятидесяти, среднего роста, — типичный польский аристократ, стройный, ловкий, проворный и разговорчивый. Он предложил гостю сигару и с утонченной любезностью светского человека пригласил его в гостиную, куда вскоре вплыла супруга его, маленькая, очень толстая дама лет сорока. Она беспрестанно вздыхала; то ли из-за своей непомерной толщины, то ли из желания продемонстрировать озабоченность безнравственностью современного общества.

Молодой человек передал ей письмо своей матери, которое она прочла со слезами на глазах; затем начались расспросы о житье-бытье старушки Ядевской.

— Мне очень приятно, что вы посетили нас именно теперь, — прибавила Огинская, — моя дочь, Анюта, только что приехала из Варшавы, где она воспитывалась в пансионе. Я надеюсь, что вы с нею подружитесь; мы с вашей матушкой всегда жили душа в душу.

«Подросток, — подумал Казимир, — так, какая-нибудь кукла!.. Незавидное знакомство!»

Не прошло и минуты, как он убедился в своем заблуждении.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату вбежала прехорошенькая брюнеточка в розовом платье, с мячиком в руке. Увидя гостя, она сконфузилась, покраснела и остановилась посреди гостиной, не зная, что ей делать.

— Дочь моя, Анюта. Сын моей приятельницы, Казимир Ядевский, — представила их друг другу Огинская. — Надеюсь, что вы скоро сойдетесь поближе.

Девочка сделала глубокий реверанс, не осмеливаясь взглянуть на гостя, который был буквально ослеплен ее красотой. Анюта была прелестна: круглое свеженькое личико с румяными щечками, маленький ротик, вздернутый носик, густые черные волосы, заплетенные в две косы, добрые, но плутовские глаза, — все в ней дышало неотразимой прелестью юношеского, почти детского возраста.

В эту минуту в книге судеб появилась запись о том, что эти два чистых, невинных существа будут принадлежать друг другу.

— Пойдемте в сад, — начала Анюта серебристым голоском, напоминавшим пение жаворонка, — я покажу вам мои цветы, моих голубей, моих котят и моего милого Куцика... Можно, мама?

— Ступай, дитя мое, забавляйся, пока еще не настало для тебя время горестей и разочарований, — и глубокий вздох вырвался из груди толстой дамы.

Проворно сбежав по ступенькам террасы, Анюта взяла Казимира под руку, лукаво улыбнулась и

сказала:

— До сих пор я ужасно боялась офицеров, но вас я вовсе не боюсь.

— Вам не за чем их бояться: один ваш взгляд повергнет их всех к вашим ногам.

— Берегитесь, как бы я не начала с вас, — пошутила милая девочка, грозя пальчиком, и повела гостя через сад на задний двор, посреди которого стояла голубятня. Голуби переполошились, поднялись в воздух и тотчас же опустились на голову и плечи своей хозяйки, которая сыпала им корм из принесенной с собою корзиночки.

— Теперь пойдете к котяткам, — сказала Анята, — но для этого нам надо будет взобраться на сеновал... Ступайте вперед и протяните мне руку.

Казимир отстегнул шпагу и помог девушке подняться по лестнице на сеновал, где их с радостным мяуканьем встретила старая пестрая кошка, окруженная семью прелестными котятками.

— Какие они хорошенькие и ласковые! — воскликнула Анята, целуя и глядя крошечных зверьков. — Я сама кормлю их, и они меня узнают; как только я покажусь, тотчас же бегут мне навстречу.

Спустившись обратно во двор, шалунья схватила шпагу и побежала в парк.

— Теперь вы мой пленник! — закричала она. — Догоните меня, иначе я не отдам вам вашего оружия!

Казимир побежал вслед за ней. Преследование продолжалось до тех пор, пока платье Аняты не зацепилось за куст шиповника. Юноша догнал ее и обнял за талию. Девочка хохотала от души и в эту минуту казалась еще очаровательнее.

— Вы бы меня не поймали, если бы не этот противный куст! — проговорила она, садясь на скамейку.

Не прошло и пяти минут, как к ней подбежал хорошенький черный пони.

— Вот и мой милый Куцик! Папа купил его в цирке. Он бегает за мною, как собачка, и, кроме того, умеет делать разные фокусы. Ну, дружок, покажи себя.

Анята сорвала с дерева ветку, подозвала лошадку к забору, ударила ее слегка по спине и закричала:

— Вперед, голубчик, гоп! гоп!

Пони несколько раз ловко перепрыгнул через забор; потом принес брошенный ему носовой платок и, наконец, встал на колени перед своей барышней. В награду за это он получил два кусочка сахара.

— Как он хорошо выдрессирован, — заметил Казимир, — впрочем, неудивительно, что он охотно исполняет приказания такой повелительницы, как вы. Да я счел бы за величайшее счастье...

— За этот комплимент вы будете наказаны. Посмотрим, так ли вы послушны, как мой Куцик.

— Приказывайте.

— Извольте... Вперед! Гоп!

Казимир перепрыгнул через забор.

— Еще раз!

Резвушка заливалась громким смехом, хлопая в ладоши.

— Теперь платок... Apporte ici!

И это приказание было немедленно исполнено.

— Что же дальше? Я жду!

— Ну, на колени... — проговорила Анята и покраснела до ушей.

— Неужели я не заслужил кусочка сахара?

Оба расхохотались, как дети.

— Вы на меня не сердитесь? — спросила милая девочка, кладя ему в рот кусочек сахара.

— За что же?

— За мою глупую шутку... Не подумайте, что я зла... Когда вы узнаете меня поближе, вы увидите, что сердце у меня предоброе... Теперь прощайте, — прибавила она, вырывая у него руку, которую он покрывал поцелуями, — ко мне сейчас придет учитель музыки... Приходите к нам почаще, пока еще не холодно и можно играть в саду. Вот, например, хоть бы завтра...

— Непременно приду... Благодарю вас за приглашение.

В тот же самый день, после обеда, посетил Огинских иезуит, патер Глинский, — человек светский, ярый патриот и усердный служитель церкви. Он был отличным проповедником и состоял чем-то, вроде гофмейстера, при особе графа Солтыка, которого в былое время воспитывал. Ходили слухи, что он даже и теперь позволяет себе давать наставления этому своенравному богатому господину. Патер был видным мужчиной, напоминавшим скорее дипломата, чем теолога. Правильные черты лица, умные, как бы заглядывающие в глубину души глаза, изящные манеры, элегантные обороты речи, — одним словом, все изобличало в нем человека, привыкшего ходить по гладкому паркету дворца, а не по каменному полу церкви. Ловкий иезуит привык давать советы в роскошном будуаре, а не в изъеденной червями исповедальне.

— Я полагал, что вы еще в деревне, — сказал Огинский, идя навстречу своему гостю.

— Мы вернулись вчера, — ответил патер. — Граф заскучал.

— А знаете ли вы, что моя Анята уже окончила курс в пансионе?

— Неужели? Следовательно, она уже не ребенок, а взрослая барышня. Где же она? Как бы мне хотелось ее увидеть!

— Она гуляет в саду со своими подругами. Хотите, я позову ее?

— Нет, не надо, я сам пойду к ней.

Патер Глинский надел шляпу с широкими полями и отправился в сад, где застал девушек за игрою в волан. Анюта подбежала к нему и обняла за шею.

— Как вам не стыдно, ведь вы уже не ребенок! — шутя, заметил ей иезуит, с видом знатока любуясь расцветающей красотой.

— Что ж за беда? Я вас люблю по-прежнему! Поиграйте с нами в жмурки!

— Помилуйте! Это неприлично моему сану!

— Вот увидите, как это будет весело.

Шалуни подхватили патера под руки, отняли у него шляпу и трость, завязали ему глаза носовым платком и с громким смехом начали скакать вокруг него. Напрасно злополучный иезуит старался поймать одну из них; кончилось тем, что он, выбившись из сил, обхватил руками Анютиногo пони. Проказницы были в восторге. Они посадили патера верхом на лошадку и торжественным маршем двинулись по аллеям.

VIII. Красный кабачок

Утром, когда Елена осторожно вошла в спальню к Эмме, та уже проснулась. Ее роскошные волосы раскинулись по подушке, окружив прелестное личико золотистым ореолом.

— Мне хочется еще полежать... я устала, — проговорила красавица, щуря глазки.

— Понежьтесь, милая барышня, поберегите свои силы для нынешнего вечера, — ответила старуха и таинственно прибавила. — К нам опять приходила еврейка. Она просит вас пожаловать в Красный кабачок.

— Сегодня вечером?

— Да, часов в десять.

— Хорошо.

Утром заезжал Казимир Ядевский, но его не приняли. После обеда Эмма вышла со двора вместе с Еленой, внимательно осмотрела вход в таинственный кабачок и попросила свою мнимую тетюшку указать ей, где дом купца Сергича.

— Отдайте ему эту записку, — сказала девушка своей спутнице, когда они подошли к дому, — я подожду вас здесь, на тротуаре.

Поздно вечером Эмма, закутанная с головы до ног, отправилась без провожатой в дом Сергича. Купец принял ее в маленькой комнатке с закрытыми ставнями: почтительно поцеловал руку, усадил на диван и, стоя, стал ожидать приказаний.

— Знаете ли вы, зачем я сюда пришла? — спросила Эмма.

— Я знаю все, сударыня, и готов служить вам по мере сил и возможности.

— Мне придется довольно часто бывать у вас, не вызовет ли это подозрений?

— Ни в коем случае. Я попечитель братства Сердца Господня, и меня нередко посещают знатные дамы.

— Посланные мною вещи здесь?

— Точно так.

— Позвольте мне переодеться.

Не прошло и четверти часа, как из дома купца Сергича вышел стройный красивый юноша в венгерке из темно-синего сукна, высоких сапогах и меховой шапочке. На плечи его была накинута шинель, в кармане лежал заряженный револьвер. Эмма превратилась в мужчину, словно бабочка, стряхнувшая золотистую пыль со своих крылышек.

Улица, на которой стоял Красный кабачок, была плохо освещена.

Девушка осторожно отворила калитку, вошла во двор и, приложив два пальца к губам, тихонько свистнула. К ней тут же выбежала хозяйка кабачка, Рахиль, и шепнула ей на ухо:

— Он уже здесь.

— Господин Пиктурно?

— Да... Поговорите с ним.

— Прежде чем принести его в жертву, я попробую обратить его на путь истинный.

— Напрасный труд, этот человек должен погибнуть... Я сумею лучше вас устроить это дело. Мальчик влюблен в меня по уши и готов повиноваться мне беспрекословно, — прибавила еврейка, уходя обратно в кабачок. Эмма заглянула в окно.

Ее глазам предстала обширная комната с почерневшими стенами, на которых были развешаны плохие гравюры. Широкая выручка да несколько столов и скамеек составляли всю ее меблировку. В углу за печкой сидел молодой человек лет двадцати и, по-видимому, дремал. Это был Юрий, один из самых ревностных

помощников содержательницы кабачка. Перед выручкой, развалился в старом ободранном кресле, сидел юноша с вьющимися черными волосами и не спускал глаз с прекрасной еврейки. Это был Владислав Пиктурно, студент Киевского университета, сын богатого польского землевладельца. Судя по наружности, он был человек робкий, застенчивый, даже апатичный.

Дверь медленно отворилась и на пороге показалась Эмма — Рахиль бросилась к ней навстречу.

— Пожалуйста, барин, — сказала она. — Что прикажете подать, рюмку вина или коньяку?

— Коньяку, — отвечала Эмма, садясь на скамейку у одного из столов.

— Кто это? — спросил Пиктурно у еврейки.

— Не знаю, — ответила она, — он никогда не бывал здесь.

— Ты лжешь! Это один из твоих обожателей... Как его зовут?

— Откуда же я знаю? Спросите у него сами.

— Вы, вероятно, студент здешнего университета? — обратился Пиктурно к мнимому молодому человеку.

— Нет, я в Киеве только проездом.

— Вы едете в Одессу?

— Да, в Одессу.

Наступила довольно продолжительная пауза. Рахиль собрала пустые бутылки и грязные стаканы и вышла из комнаты.

— Прелесть, что за женщина, не правда ли? — подмигнул студент в направлении двери.

— Эта еврейка?

— Ну да!

— Я совершенно равнодушно отношусь к женщинам, они мне давно надоели!

— Понимаю! Но времена Онегина и Печорин уже прошли. Наше поколение смотрит на женщин иначе и признает их созданиями низшей организации по сравнению с мужчинами.

— Вы забываете, что между женщинами есть своего рода хищницы, готовые растерзать вас с улыбкой на устах.

— Положим, что и так, но мы живем, любим и наслаждаемся жизнью, не помышляя о таких ужасных последствиях.

— Ну, стоит ли ради этого жить на свете?

— Заметно, что вы начитались Трентовского & Польшский Шопенгауэр. (Примечание автора.) >

— Я и в руки не брал ни одного из его сочинений.

— Почему же вы, в ваши годы, с таким равнодушием, даже с таким презрением относитесь к жизни?

— Потому что сознаю все ее ничтожество, — отвечала Эмма, — и вижу в ней лишь временное и утомительное странствование, нечто вроде чистилища. Назовите мне хоть одно наслаждение, которое не окупалось бы потом кровью или слезами нашего ближнего? Куда ни помотришь — везде кража, насилие, рабство, убийство!

Вот почему я возненавидел жизнь и отрекся от ее радостей.

— С такими воззрениями вам бы следовало стать попом или монахом! — захохотал Пиктурно. — Но здесь не место для проповеди, и вы не измените моего образа мыслей... Эй, Рахиль, подайте сюда бутылку вина!.. Позвольте предложить вам стаканчик венгерского? — обратился он к своему собеседнику.

— Я охотно выпью, если вы позволите мне в свою очередь угостить вас.

— С удовольствием.

Молодые люди чокнулись.

— Вы, должно быть, медик? — спросил студент, закуривая сигару.

— Нет, я философ.

— Безбородый Сократ! Но чтобы сделаться настоящим мудрецом, вам нужно обзавестись Ксантипою!

— Перестаньте издеваться над бедствиями рода человеческого, — возразила Эмма, строго взглянув на свою жертву бесстрастными синими глазами. — Неужели вас тешат вопли мучеников, проклятия обманутых, рыдания погибающих?.. Оглянитесь вокруг, посмотрите на самого себя — и вы ужаснетесь!

— К черту все это! Я хочу веселиться, а не ужасаться. Допустим, что вы правы. В таком случае, мы должны стараться забыть все эти бедствия, а для этого есть только два способа: вино и женщины... Да здравствует любовь!.. Чокнемся!

Эмма отрицательно покачала головой.

— Так предложите другой тост.

— Пью за то, что избавляет нас от всех житейских невзгод... Да здравствует смерть! — торжественно провозгласила Эмма, поднимая свой стакан.

— Сумасшедший, — проворчал Пиктурно, между тем как юная фанатичка с каким-то благоговением выпила несколько глотков вина.

В эту минуту в кабачок ввалилась целая толпа пьяных мастеровых, распространяя вокруг запах тютюна и водки.

Эмма на прощание протянула студенту руку.

— Вы уже уходите? — спросил тот.

— Да, мне не нравится это общество.

— До свидания!

На дворе еврейка догнала Эмму и сказала:

— Теперь вы убедились, что я не обманула вас. Я знаю, как трудно обратить этого человека!

— Я с ним поговорю еще раз.

— Зачем? — как змея прошипела Рахиль. — Это только потеря времени, а он между тем ускользнет от нас. Сегодня он в меня влюблен, а завтра, быть может, променяет на другую. Если вы уже решили принести его в жертву, то сделайте это как можно скорее.

Эмма почувствовала, как мурашки пробежали у нее по спине.

— Сегодня? — спросила она.

— Нет, не сегодня и не здесь, но непременно в ближайшие дни... Вы не боитесь ехать по лесу ночью?

— Я не боюсь ничего, когда речь идет о спасении погибающей души. Скоро ли ты передашь его в мои руки?

— Елена даст вам знать, когда наступит время.

— Хорошо, я принесу его в жертву.

Еврейка кивнула, и губы ее расплылись в кровожадной улыбке.

На улице не было ни души. Эмма закуталась в шинель и быстрыми шагами пошла к дому купца Сергича, чтобы снова переодеться в женское платье. Возвращаясь домой, она заметила, что ее преследует молодой человек. Это ее встревожило: она прибавила шаг и свернула на одну из людных улиц, надеясь исчезнуть в толпе. Но незнакомец не терял ее из виду. Тогда она остановилась и грозно посмотрела на него. Но это не помогло.

— Жестокая красавица! — шепнул он ей. — Ледяная богиня любви!

Убедившись в том, что причиной преследования была ее внешность, Эмма спокойно продолжала свой путь. Незнакомец проводил ее до самого подъезда. Войдя в комнату, девушка приказала не зажигать свечей и, подойдя к окну, увидела, что таинственный поклонник ее все еще стоит у нее перед домом.

— Мечтай, голубчик, — подумала она, — мечты сладки, но каково-то будет пробуждение.

IX. Граф Солтык

Было светлое, морозное октябрьское утро. Яркие, но холодные лучи солнца золотили фасад роскошного графского дома. Пестрое, фантастическое здание несло на себе черты всех эпох и архитектурных стилей — в нем соединились элементы и древнепольской и византийской и современной французской архитектуры.

В обширной зале, украшенной дорогами картинами и статуями, собралось несколько человек — представителей разных сословий, — которым была назначена аудиенция. Все они более или менее боялись грозного, властолюбивого, непредсказуемого графа Солтыка и с озабоченным видом справлялись у старика камердинера, в каком настроении барин.

Красивый молодой деспот сидел в своем рабочем кабинете и пробегал взглядом поданные ему письма. Правильные, но суровые черты лица его обрамлялись целой копной черных волос и черной же небольшой бородой. Легкий румянец играл на щеках. Гордость, пылкость и отвага так и светились в больших черных глазах, взгляд которых был одновременно и грозен, и лукав, и загадочен. Стройный, но не высокий стан его, красотой пропорций и силой мускулов напоминал стан римского гладиатора. Граф был закутан в желтый атласный, подбитый горностаем халат; на ногах его были красные сафьяновые сапоги.

Прочитав письма, граф отбросил их в сторону и позвонил. В комнату вошел казачок с чашкой кофе на серебряном подносе. Суровый взгляд барина до такой степени смутил бедного слугу, что он вздрогнул, фарфоровая чашка с портретом короля Станислава Августа упала на пол и разбилась вдребезги. Несчастный зарыдал, бросился к ногам своего грозного хозяина и проговорил умоляющим голосом:

— Виноват, ваше сиятельство, простите меня... я сделал это нечаянно...

— Знал ли ты, что эта чашка досталась мне в наследство от моей бабушки? — спросил граф.

— Пощадите, Христа ради!

— В другой раз будь осторожнее, — проворчал деспот, насупив брови. — А теперь убирайся к черту, собачья кровь! — И граф толчком ноги отбросил несчастного мальчика за дверь.

Старик камердинер подал барину другую чашку кофе и на вопрос:

«Много ли собралось народу в приемной?» — ответил:

— Четверо жидов, комчинский управляющий, скрипач Бродецкий и несколько человек крестьян.

— Впускай их ко мне по очереди, а когда придет частный пристав, приди доложить.

Не прошло и минуты, как в полуотворенную дверь протиснулись четыре еврея и, беспрестанно кланяясь и изгибаясь, направились в сторону графа.

— Что вам нужно? — усмехнулся граф.

— Мы, всепокорнейшие рабы вашего графского сиятельства, — отвечал один из них, — пришли умолять вас... окажите нам благодеяние...

— Как тебя зовут?

— С вашего позволения я Вольф Лейзер-Розенштраух... это мой тесть, это мой зять, а это мой брат... на дворе стоят мои родственницы: теща, сестра и жена с семьей маленькими ребятишками.

— В чем состоит ваша просьба?

— Мы желаем снять в аренду шинки в имении милостивого нашего благодетеля...

— Хорошо, я согласен; ты человек аккуратный.

— Награди вас Боже, господин граф, и деточек ваших, и внучков ваших!..

— погоди! Даром ты от меня ничего не получишь.

— Чем же прикажете нам заслужить такую великую милость?

— Протанцуйте здесь передо мною кадрили.

— О, вей мяр! Да как же мы будем танцевать без музыки?

— За этим дело не станет.

Граф позвонил и приказал позвать своего кучера, большого охотника играть на скрипке. Минуту спустя комната огласилась пронзительными звуками плохого инструмента. Танцоры выделывали преуморительные па, а граф хохотал, как ребенок.

Наконец комедия закончилась, евреи ушли, и в кабинет вошел управляющий. Он был бледен, глаза его беспокойно бегали — было очевидно, что он трусит.

— Занятные вещи узнал я о вас, милейший! — начал помещик, закутываясь в халат. — Вы корчите из себя барина в моем имении! По чьему приказанию вы рассчитали кастеляна?

— Он горький пьяница, ваше сиятельство, и я полагал...

— Не смейте рассуждать! Вы обязаны повиноваться и больше ничего... Кто приказал вам построить новую ригу?

— Старая сгорела в прошлом году.

— Вы должны были донести об этом мне... Да, вы приказали вырубить сотню лучших дубов в моей роще, — это зачем?

— Нам дали за них хорошую цену...

— Вы мне больше не слуга, — решил Солтык.

— Пощадите меня, ваше сиятельство! — взмолился управляющий. — Не погубите! У меня жена, дети!

— Идите, вы мне больше не нужны.

— Мне остается только застрелиться!.. Сжальтесь надо мной... Накажите меня, как вам угодно, только не лишайте куса хлеба.

— Да накажи я только вас, — так, для примера, — как на меня со всех сторон нападут здешние власти и привлекут к ответственности.

— Клянусь Богом, что я не пожалуюсь! Не отказывайте мне от места...

Пожалейте!

Граф усмехнулся.

— Говорят, что вы разъезжаете четверкою в карете? — заметил он. — А жена ваша выписывает туалеты из Парижа, и все это делается на те деньги, которые вы у меня крадете. Ну, хорошо, я вас накажу... С этого дня вы будете исправлять должность цепной собаки, это приучит вас к покорности.

Солтык позвонил.

— Отведи этого господина в собачью конуру и посади его на цепь, — сказал он вошедшему камердинеру. — Вечером освободишь его. Есть ли у вас часы? — прибавил он, обращаясь к управляющему.

— Есть, ваше сиятельство.

— Через каждые десять минут вы должны громко лаять... Понятно?

— Понятно.

Солтык кивнул головою, и сконфуженный, до глубины души оскорбленный управляющей вышел из кабинета со слезами на глазах.

Доложили о приезде Бедросова, и граф немедленно принял его.

— Ну, что? — спросил он, пожимая руку полицейского чиновника.

— Дело улажено, граф, но это обойдется вам очень дорого.

Солтык вздохнул свободнее. Это была скверная история, вполне обнаруживавшая нероновский темперамент избалованного барина, но и тут Бедросов его выпутал. В одном из имений графа сельский

священник не согласился похоронить самоубийцу на общем кладбище. Разгневанный помещик поклялся, что он за это закопает в землю самого служителя церкви и сдержал свое слово. Он приказал своим слугам связать его по рукам и ногам, положить в гроб, опустить в могилу и слегка прикрыть землей. Минуту спустя священник был освобожден, но эта варварская шутка имела самые пагубные последствия: несчастный так сильно испугался, что у него обнаружилась горячка и он вскоре умер. Бедросову удалось замять это дело, и он был щедро вознагражден графом.

Проводив частного пристава, граф выслушал просьбы своих крестьян и приказал позвать скрипача Бродецкого, который получал от него ежегодную субсидию. Легкомысленный юноша наделал долгов, благодетель узнал об этом стороной и, без церемонии, отхлестал молодого артиста по щекам.

Вслед затем в кабинет вошел бывший воспитатель графа, иезуит патер Глинский, единственный человек, имевший влияние на необузданного деспота, быть может, потому, что обращался с ним чрезвычайно осторожно и никогда слишком явно не обнаруживал своей нравственной власти над ним.

— Здравствуй, святой отец! — приветствовал его Солтык. — Ну, что новенького?

— Анюта Огинская вернулась из пансиона, — это самая свежая новость в Киеве.

Граф равнодушно пожал плечами.

— Не возражайте преждевременно, любезный граф, — продолжал патер, — вы еще не знаете, что за прелестное создание эта Анюта Огинская! Она расцвела, как майская роза; это такое совершенство во всех отношениях, что... Взгляните на нее сами и тогда уж излагайте о ней свое мнение.

— Быть может... В детстве она подавала надежды сделаться хорошенькой.

— Теперь она красавица в полном смысле слова, — прибавил иезуит. — Девушка умная, добрая... так что, будь я на вашем месте, то непременно бы женился на ней.

— Вам хочется женить меня?

— Я очень хорошо знаю, что вы не слушаетесь моих советов и делаете все по-своему; тем не менее я имею право желать, чтобы вы наконец изменили этот дикий образ жизни.

— Почему же?

— Почему? — переспросил патер Глинский. — А потому, что я искренне люблю вас и предчувствую, что ваши необузданные выходки будут иметь печальные последствия.

— Уж не вздумали ли вы запугать меня? — надменно произнес аристократ. — Я не стремлюсь дожить до преклонных лет и не хочу банально, как все, закончить свою жизнь... Мне завидна смерть Сарданапала... Погибнуть в огненном море!.. Вот это я называю наслаждением!.. Жизнь давно уже утратила для меня всю свою прелесть. Да и долго ли продолжается эта нелепая жизненная комедия? Стоит ли тянуть ее до седых волос? Нет, слуга покорный! Я от души презираю радости престарелого дедушки, любующегося своими внучатами... и тому подобное дурацкое, мещанское блаженство... Мне бы следовало родиться на ступенях трона, повелевать миллионами верноподданных... О! Тогда бы я удивил весь мир своими подвигами!.. А я стеснен, так сказать, вставлен в узкую рамку... вот почему мне опротивела жизнь... Иногда мне кажется, что я лев, замкнутый в душную клетку, которому на самом деле следовало бы мчаться по необозримым пустыням...

Наступила довольно продолжительная пауза.

— И в настоящем вашем положении вы можете сделать много добра вашим ближним, — начал хитрый иезуит, — кроме того, на вас возложены обязанности... С вашей смертью прекратится древний, знаменитый род ваших доблестных предков.

Солтык глубоко задумался.

— Женщина не может наполнить и украсить моей жизни... для меня она не более как сорванный и затем отброшенный цветок, — возразил он. — Я взгляну на Анюту Огинскую, почему же нет? Ведь я при этом ничем не рискую.

— Это совершенно справедливо, — с принужденной улыбкой заметил патер Глинский и прибавил: — Не хотите ли сыграть партию в шахматы, граф?

— Извольте!

Х. Волк

Не прошло и двух дней, как Казимир Ядевский снова отправился к Огинским и застал Анюту в саду, где она играла в горелки со своими подругами. Увидев молодого офицера, барышни начали приглаживать свои растрепавшиеся волосы и оправлять туалет, только одна Анюта не позаботилась об этом и с раскрасневшимися щеками побежала навстречу своему гостю.

— Как вы хорошо сделали, что пришли к нам! — воскликнула она, глядя на него блестящими от радости глазами. — Теперь мы вдоволь набегаемся!

Молодая хозяйка представила Казимира своим приятельницам: Генриетте Монкони, стройной девушке

с темно-русыми волосами и прелестными голубыми глазами, Катеньке Калашниковой, похожей на испуганную газель, и Ливии Доргвилла, блондинке с обворожительными профилом.

— Давайте играть в городки, — предложила последняя, медленно, как бы нехотя произнося слова.

— Нет, лучше в волка, это гораздо веселее! — перебила ее Анюта.

— Кто же будет волком? — спросила Генриетта.

— Разумеется, господин Ядевский.

— Кого же будете изображать вы, mesdames? — спросил офицер, снимая шпагу.

— Собак, которые будут травить волка.

— А когда мы вас поймает, — вмешалась Анюта, — вы должны будете в продолжение целого вечера исполнять все наши приказания. Вам дается десять минут на то, чтобы спрятаться, а затем начнется травля. Вы можете употреблять всевозможные хитрости, но не смеете выбегать за садовую ограду.

Барышни побежали по дорожке к дому, а Казимир нашел себе убежище под кучей рогож, лежавших у дверей оранжереи. Несмотря на то, что это была только игра, сердце юноши замерло, когда звонкие девичьи голоса снова раздались в саду и разноцветные шубки их начали мелькать там и сям между зеленью кустарников.

Вдали, у бассейна, показалась стройная фигура в темно-лиловой бархатной шубке; это, должно быть, Генриетта. Вот Катенька с кошачьей ловкостью пробирается между отцветшими кустами роз; а там мелькнуло что-то белое, как снег, — это обложенная горностаем синяя кофточка Ливии. Но где же Анюта? Она только раз показалась в конце большой аллеи и потом исчезла.

Катенька подошла очень близко к оранжерее, но не заметила волка, и тот с облегчением вздохнул, когда ее светленькая юбочка скрылась за кустами георгинов. Генриетта постояла несколько минут в раздумье у бассейна и углубилась в чащу парка. Этим двух Казимир не боялся; опасность представляла Ливия, и он уже начал обдумывать план побега в случае нападения. Ровными, медленными шагами Ливия приблизилась к оранжерее, приподняла рогожу и проговорила совершенно равнодушным тоном:

Вот где вы спрятались.

Казимир с быстротой стрелы перепрыгнул через ограду и обратился в бегство, но Ливия и не думала его догонять.

По лугу навстречу ему бежала Генриетта и тут же, из-за старой сосны, внезапно появилась Катенька. Началась настоящая травля — по парку разносился веселый смех. Ловко преследовали хищника быстроногие собачки, но ему наконец удалось пробиться сквозь густой кустарник и скрыться в глубине парка. Он прислонился к стволу развесистого дерева, собираясь отдохнуть, как вдруг две нежные ручки обхватили его, и послышалось радостное восклицание: «Поймала!» Казимир оглянулся и, увидев так близко от себя прелестное личико Анюты, не устоял против искушения и крепко поцеловал ее в губы. Девочка не стала защищаться и не рассердилась — ее удивило и обрадовало это первое проявление юношеской любви. Шорох приближающихся шагов заставил ее опомниться и оттолкнуть от себя молодого человека.

— Я поймала волка! — объявила она подошедшей к ним Ливии.

Вслед за Ливией прибежали Генриетта и Катенька.

— Теперь он сделался твоей собственностью; что прикажешь ты ему делать? — спросила последняя.

— Он обязан ухаживать за мной целый вечер.

— Да это награда, а не наказание! — возразил юноша.

— Вот увидите, как я вас буду мучить! — и милая девочка взглянула на него с такой любовью, что он готов был снова прижать ее к своей груди, — вот только мешали подруги.

— В саду уже сыро, не пора ли нам вернуться в комнаты? — заметила Ливия.

Разумное предложение было принято единодушно, и барышни вместе со своим кавалером пошли по направлению к дому. В конце большой аллеи они повстречались с двумя молодыми людьми, Сесавиным и Беляровым. Первый из них был блондин, высокого роста, с густыми, вьющимися волосами и бородой. Второй казался апатичным: черты его лица были мягкие, невыразительные; сонные глаза равнодушно глядели на все и на всех; ноги, казалось, с трудом удерживали тяжесть мощного, богатырского тела.

Анюта познакомила молодых людей с Ядевским, и все общество отправилось в залу, где занавеси на окнах были уже опущены и лампы зажжены. Молодежь немедленно затеяла игру, состоящую в угадывании под звуки музыки заочно данного приказания.

— Кто начинает? — спросила Ливия, садясь к роялю.

— Господин Ядевский, я приказываю вам удалиться на несколько минут из залы! — с неподражаемо грациозным, повелительным жестом произнесла Анюта и прибавила: — Приказываю, понимаете?

— Повинуюсь беспрекословно, — отвечал офицер, уходя в смежную комнату.

— Он должен вынуть из этого букета розу и подать ее Анюте, — сказала Катенька.

— Стоя на коленях, — добавила Генриетта.

— И поцеловать ей руку, — заключила Ливия.